

Голос у Тао Хуайнаня оставался хриплым, сначала все думали, что это из-за волнения, но потом состояние не улучшалось, и однажды Тао Сяодун внезапно понял: малыш начал мутировать.

Из-за периодических телефонных разговоров, хотя Тао Хуайнань всё ещё говорил, что злится, он явно стал счастливее. Когда зашла речь о мутации, он немного смутился, вспомнив то, чему учили на уроках здоровья.

Чи Ку уже давно прошёл через мутацию, и теперь его голос звучал очень приятно.

Тао Хуайнань не знал, каким будет его голос после мутации, и это навело его на мысли о других странных изменениях, происходящих в подростковом возрасте.

В тот вечер, когда они разговаривали по телефону, Тао Хуайнань тихим голосом сказал Чи Ку:

— У меня начинается мутация.

— Ага, — равнодушно ответил Чи Ку. — Ну и ладно.

— Я ещё не видел снов... — Тао Хуайнань почесал щёку одним пальцем, говоря об этом с некоторым смущением, но также с подростковым любопытством и тихо спросил Чи Ку:

— А ты видел?

— Видел, — спокойно ответил Чи Ку.

Тао Хуайнань удивился:

— Правда?

— Ага, — подтвердил Чи Ку.

— А что тебе снилось? — спросил Тао Хуайнань, укутавшись в одеяло.

— Не помню, всякая ерунда, — ответил Чи Ку.

Тема всё же была неудобной, и после нескольких фраз разговор закончился. Тао Хуайнань стеснялся говорить об этом с братом, но по телефону с Чи Ку он мог обсуждать это, как маленький секрет.

В тот вечер Чи Ку не вернулся домой, а остался в старом доме Тао, сел на старый ящик и разговаривал с Тао Хуайнанем до тех пор, пока тот не заснул. Рука, держащая телефон, почти замерзла, и он не мог её разогнуть.

Возможно, из-за того, что он много думал об этом в последнее время, или из-за разговора перед сном, в ту ночь Тао Хуайнань увидел сон.

Во сне Чи Ку нёс его на спине, убегая от Чи Чжидэ, они бегали вокруг озера, а Чи Чжидэ гнался за ними, как собака. Тао Хуайнань обнимал Чи Ку за шею, и его сердце бешено колотилось.

Они бежали и бежали, и когда Чи Чжидэ почти догнал их, Чи Ку прыгнул вниз по склону, и они оба покатались, переплетённые друг с другом.

Это был утомительный и пугающий сон, и когда Тао Хуайнань проснулся утром, он с облегчением выдохнул.

Но выдохнув, он почувствовал что-то неладное. Он потрогал себя и замер.

Тао Сяодун как раз собирался разбудить брата, чтобы они позавтракали и отправились по делам. Но прежде чем он зашёл в комнату, он увидел, как Тао Хуайнань, голый, достал из шкафа трусы.

Дверь была открыта, и Тао Хуайнань не знал, что брат наблюдает за ним. Он держал в руке трусы и с недовольством хмурился. Собираясь выйти, он, видимо, решил, что голым идти неудобно, и медленно снова надел пижамные штаны.

Если бы это был заботливый родитель, он бы, наверное, спрятался, чтобы не смущать ребёнка, но Тао Сяодун был не таким, он любил подшутить.

Он вдруг весело сказал:

— Испачкал?

Тао Хуайнань вздрогнул, от неожиданности выкрикнув:

— А!

Затем он понял, что это брат, скомкал трусы в руке и, не говоря ни слова, направился в ванную.

Тао Сяодун следовал за ним, продолжая подшучивать:

— Снилось что-то?

Тао Хуайнань раньше относился к таким снам с любопытством, с небольшим ожиданием, желая повзрослеть. На уроках говорили об этом смутно, и иногда, подслушивая разговоры мальчиков в классе, он слышал что-то с оттенком намёков.

Но когда это произошло на самом деле, он подумал: что это за сон, что в нём хорошего?

Он пробормотал:

— Что за дурацкий сон...

— А что тебе снилось? Расскажи, — поддразнивал Тао Сяодун, толкая брата плечом.

— Тебе всё расскажи, — ответил Тао Хуайнань, который сначала думал, что это будет неловко, но теперь понял, что ничего такого. Сон был слишком прямолинейным. — Мне снилось, как Чи Ку нёс меня, убегая от Чи Чжидэ, мы бежали и бежали, это было ужасно утомительно.

Тао Сяодун приготовился услышать что-то интересное, но вместо этого услышал это и удивился:

— И всё?

— Ну да, — ответил Тао Хуайнань, бросая трусы в раковину. — О чём тут спрашивать!

Он был раздражён из-за того, что всё испачкал, и теперь ему предстояло принять душ. Это было слишком грязно, и он обернулся:

— Быстро выйди, я хочу постирать штаны.

— Стирай, — Тао Сяодун не двигался, прислонившись к стене, и продолжал спрашивать:

— А девочек тебе не снилось?

— Какие девочки, только Чи Чжидэ, — с досадой ответил Тао Хуайнань. — Он такой противный, а ещё и снится.

Тао Сяодун был в замешательстве. Обычно мальчики видят сны с намёками на романтику, эротические сны, но у его брата всё было слишком чисто, никаких намётов.

Это поставило Тао Сяодун в тупик. Видимо, его брат совсем ничего не понимал в этих вещах, и даже во сне ничего такого не видел.

Теоретически, Тао Сяодун должен был объяснить брату, рассказать ему о сексуальности, чтобы он хотя бы мог видеть такие сны. Но его маленький слепой брат был таким чистым, как белый лист бумаги, и Тао Сяодун не хотел его портить.

В конце концов, он решил оставить всё как есть, пусть идёт своим путём.

Но из-за этого маленький слепой потерял всякий интерес к этим вещам.

Этот сон был слишком утомительным и пугающим.

И теперь, когда он слышал, как Чи Ку говорит, запыхавшись, он чувствовал усталость и спросил:

— Почему Чи Чжидэ такой страшный?

Чи Ку был озадачен этим внезапным вопросом и нахмурился:

— Он к вам приходил?

— Нет, нет, — ответил Тао Хуайнань. — Я его не видел.

— Тогда зачем ты о нём говоришь, — сказал Чи Ку.

— Он мне приснился, — с отвращением ответил Тао Хуайнань. — Он гнался за нами, как собака.

— Не снись о нём, — равнодушно сказал Чи Ку. — А как он выглядел?

Тао Хуайнань посчитал этот вопрос глупым и раздражённо перевернулся на кровати:

— Я же слепой!

Чи Ку просто спросил, не задумываясь, и сказал:

— Ага.

Обычный мир был таким, каким он был, и сны были такими же. Маленький слепой не помнил,

как выглядели вещи, он мог только полагаться на слух, осязание и обоняние в своих снах.

Иногда он сожалел, что даже во сне не мог увидеть, как выглядят его брат и Чи Ку.

До начала учебного года оставалось чуть больше десяти дней, и в последнее время Тао Хуайнань был в хорошем настроении.

Чи Ку сказал, что вернётся к началу учебного года, и Тао Хуайнань, который и раньше знал, что не может без него, теперь понял это ещё лучше. Каждый день он считал дни, желая, чтобы завтра уже наступил учебный год.

Но Чи Чжидэ пока не собирался уезжать, и Чи Ку сказал, что тот всё ещё надеется получить деньги от брата.

Тао Хуайнань боялся, что Чи Ку не вернётся к началу учебного года, но Чи Ку сказал, что вернётся, и Тао Хуайнань ему верил.

В последнее время брат был занят, постоянно в разъездах, и им нужно было подготовиться к выставке. Тао Хуайнань не хотел мешать ему, и поэтому оставался дома один, слушая телевизор, когда становилось скучно.

Теперь тётя ушла работать в другую семью и больше не приходила.

Тао Сяодун перед уходом утром оставлял обед в пароварке, чтобы он оставался тёплым, и Тао Хуайнань ел его, когда был голоден. После еды он ложился спать, и, просыпаясь, сначала кричал:

— Старший брат!

Он кричал несколько раз, прежде чем вспоминал, что Чи Ку сейчас не дома, и это чувство внезапного осознания было очень тяжёлым.

Тао Хуайнань не хотел учить уроки, не хотел слушать телевизор, он просто сидел на кровати и хотел позвонить Чи Ку.

Чи Ку не отвечал, и Тао Хуайнань тихо сидел, ожидая, пока время медленно пройдёт.

Так прошло несколько дней, и Чи Ку сначала не отвечал на звонки, а потом вообще выключил телефон.

Единственной надеждой Тао Хуайнаня было начало учебного года, ведь тогда Чи Ку должен был вернуться.

Дома в последнее время плохо работало отопление, и было очень холодно. Вечером Тао Хуайнань надел толстые носки, тёплую пижаму и укутался в старый плед на диване.

Брат вернулся днём, а вечером, принеся ужин, снова ушёл на встречу.

Перед сном Тао Хуайнань сам принял душ, и, возможно, из-за того, что отвлёкся или просто не повезло, поскользнулся и упал в душе, ударившись рукой о край стеклянной двери и поцарапав ногу о порожек. Это было довольно больно.

Он медленно вышел, держась за стену, не надел пижаму, а просто взял плед с дивана и вернулся в спальню.

[Авторский комментарий: Обычно мальчики видят сны с намёками на романтику, эротические сны, но у его брата всё было слишком чисто, никаких намётов. Это поставило Тао Сяодун в тупик. Видимо, его брат совсем ничего не понимал в этих вещах, и даже во сне ничего такого не видел. Теоретически, Тао Сяодун должен был объяснить брату, рассказать ему о сексуальности, чтобы он хотя бы мог видеть такие сны. Но его маленький слепой брат был таким чистым, как белый лист бумаги, и Тао Сяодун не хотел его портить.]

<http://bllate.org/book/16228/1458168>